

Кочеров Сергей Николаевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
профессор департамента социальных наук
Kocherov Sergey Nikolayevich
National research University
«Higher school of Economics»
professor of the Department of Social Sciences
E-Mail: kocherov@yandex.ru
УДК – 173.2

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ. ЛЮБОВЬ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Аннотация: В Новое время отношения между полами все более определяются влиянием капитализма, для которого брак представляет форму договора, вид сделки, вариацию натурально-денежного обмена. Любовь при этом, хотя и не является условием заключения брака, возводится в долг обоих супругов, нарушение которого осуждается обществом. Так, впервые в истории, супружеская любовь становится – более в идеале, чем в реальности – нравственной обязанностью, скрепляющей брачно-семейные отношения.

Ключевые слова: буйство чувств Ренессанса, страсть галантного века, супружеская любовь, брачная сделка, свободная любовь

THE HISTORY OF LOVE. LOVE IN MODERN ERA

Abstract: In Modern era, relations between sexes are defined by the increasing influence of capitalism, which perceives marriage as a form of a contract, a transaction type, a variety of natural and monetary exchange. Under these circumstances, love, although not being a requirement for a marriage, is deemed a duty assumed by spouses, its breach being condemned by society. Thus, for the first time in history, conjugal love becomes, albeit more in theory than in practice, a moral obligation that cements marital and family relationships.

Key words: Renaissance tempestuousness of emotions, passion of the Gallant Century, conjugal love, marital bargain, free love

Наступление Нового времени, обусловленное развитием капитализма, привело к тому, что доминирующими в обществе становятся отношения не господства и служения, но купли и продажи. Превращение рынка в основу связей между людьми вызвало также изменения в сфере любви и брака. Брак постепенно утрачивает свой природный, хотя и освященный религиозными и сословными традициями характер и осознается как гражданский договор. Разумеется, как социальный институт брак всегда есть договор, который существует постольку, поскольку общество верит в его необходимость. Но раньше договорные отношения распространялись на заключение брака, при котором учитывались сословные, клановые, семейные интересы – часто в ущерб личным интересам вступающих в него сторон. Сами же отношения супругов определялись не их личными предпочтениями, а традиционным распределением ролей, при котором и муж, считавшийся главой семьи, и жена, низведенная до положения его старшей служанки, были заложниками бытовавших обычаев и предрассудков. В Новое время все большее значение придается именно «личному договору» в браке и семье, что впоследствии получит законченное выражение в брачном контракте.

Любовь в эпоху Возрождения

Для людей Ренессанса, с их ориентацией на идеал античной культуры, общим во взглядах на любовь и брак была реабилитация Эроса древних. Они хотели полнокровной, свободной и счастливой жизни, чуждой аскетическому идеалу средневековья с его возвеличиванием духовной красоты и презрением к «греховной плоти». О своих правах мощно заявляет чувственная любовь, предполагающая здоровое и сильное тело. Для человека эпохи Возрождения тело не храм для души, а мастерская, которая позволяет ему добыть самые сильные наслаждения, познать самые большие радости. Выбирая между великолепием небесного мира и роскошью земной жизни, он предпочитает не чистую бессмертную душу, а прекрасную обнаженную плоть. Мужчины и женщины Ренессанса желают физической близости, не заботясь при этом о духовной связи. Эпоха Возрождения, по словам Э. Фукса, «провозгласила, в конечном счете, идеальным типом человека чувственного, того, кто лучше всякого другого в состоянии вызвать у другого пола любовь, притом в строго животном смысле, следовательно, сильное половое чувство» [1, с. 5].

Помимо реставрации античного наследия, в соответствии с которым «идеальный мужчина» должен был являть собой Аполлона и Геркулеса, а «идеальная женщина» – Юнону и Венеру, любовные отношения людей той эпохи испытали на себе и влияние рыцарской культуры. Это проявлялось не в приверженности культу Прекрасной дамы, получившему, однако, свое развитие у поэтов раннего Возрождения (Данте и Беатриче, Петрарка и Лаура), но в убежденности, что истинная любовь, под которой понималось высшее чувственное наслаждение, возможна лишь вне брака. Для людей Ренессанса любовь являлась чувством, которое ценится за приносимую им радость и не нуждается в освящении религиозной службы или супружеского долга. Муж или жена, неспособные удовлетворить сексуальные аппетиты супруга, согласно воззрениям той эпохи, давали ей (ему) негласное право искать утоления своего «голода» на стороне. Ведь именно в половой связи они видят «ежедневную "брачную пищу", ради которой вступают в брак, "так как без нее не может обойтись ни здоровый мужчина, ни здоровая женщина"» [1, с. 18]. Реальность и литература того времени дают множество существовавших и вымышленных личностей, охваченных такой сильной страстью, что они готовы пойти на все, чтобы овладеть любимым человеком. Часто именно любовь была причиной и высоких взлетов, и низких падений, переживаемых людьми этой эпохи, богатой на различные авантюры.

Яркой приметой времени было то, что в эпоху Возрождения все чаще активность в любовных отношениях начинают проявлять женщины, которые не хотят мириться с пассивной ролью и стремятся сами выбирать объекты своих желаний. Новеллисты Ренессанса нередко замечали, что по своей неутомимости в жажде интимных наслаждений дамы превосходят кавалеров. При этом, несмотря на раскрепощенность отношений между полами, мужья требовали верности от своих жен и могли жестоко покарать за измену. Такая судьба постигла, например, фаворитку французского короля Франциска I графиню Франсуазу Шатобриан, которую после смерти коронованного любовника замучил ее собственный муж. Имена некоторых из женщин Возрождения стали нарицательными: Лукреция Борджиа, Екатерина Медичи, Маргарита Валуа («королева Марго»). Интересно, что современные мужчины относились к ним со смешанными чувствами восхищения и опасения. Шекспир создал целую галерею образов женщин этого типа, гениально показав как их обаяние (Клеопатра), так и демонизм (леди Макбет).

Высокое эротическое напряжение, присущее представителям всех слоев ренессансного общества, на бытовом уровне, конечно, «заземлялось» в большой развращенности нравов. Моральные запреты средневекового общества уже не имели над людьми прежней силы, нравственные нормы

Нового времени только складывались. Это приводило к разгулу аморализма в общественной жизни, что было особенно заметно в сфере отношений между полами, имевшими повышенное значение для людей той эпохи. А.Ф. Лосев в «Эстетике Возрождения» приводит впечатляющий перечень преступлений ренессансных личностей на сексуальной почве. Однако, завершая свой обзор, он предостерегает от морализаторства, видя причину «обратной стороны» Ренессанса «в стихийно-индивидуалистической ориентации человека, мечтавшего быть решительно освобожденным от всего объективно значащего и признававшего только свои внутренние нужды и потребности» [2, с. 138]. Возрождение знаменовало разрыв с традициями, а такие времена в истории всегда отмечены значительным ослаблением половых «табу». Известная строгость нравов была восстановлена только в последней трети XVI в., когда эпидемия сифилиса вынудила людей быть более разборчивыми в связях, а Тридентский собор в 1562 г., выполняя задачи Контрреформации, ужесточил брачные законы и подчеркнул священный характер брака.

Тогда же был наложен официальный, церковный и светский, запрет на конкубинат – постоянную связь внебрачного характера между мужчиной и женщиной, – который как альтернатива законному браку был распространен и в античности, и в средние века. Еще в III в. римский епископ Каллистус дал конкубинату церковную санкцию, а в 400 г. собор в Толедо разрешил его как постоянную моногамную половую связь. В средние века на Западе не было ни церковного, ни светского осуждения конкубината: им пользовались и духовенство, которому брак был запрещен, и власти, заинтересованные в притоке новых подданных. Лютеранский собор 1516 г. и позднейшие запреты наложили на конкубинат церковные и светские штрафы. Делалось это, конечно, во имя религиозных и моральных ценностей, но в реальности вызвало только еще большее распространение проституции.

Любовь во время Просвещения

XVIII век был таким же переломным, как и эпоха Возрождения. Но если Ренессанс пришелся на время подъема нового экономического порядка, то Просвещение совпало со временем упадка старой политической системы. Так, Франция, признанная законодательница мод этого века, вступила в него под звуки менуэта и шум версальских увеселений Людовика XIV, а вышла под пение «Марсельезы» и грохот наполеоновских войн. Это были сумерки феодализма, которые не могли прогнать ни «король-солнце» с его надменной фразой «Государство – это я!», ни его дворяне и священники, причислявшие к народу лишь себя и отказывавшие в данном праве «третьему сословию».

Между тем именно представители последнего обеспечивали экономическое благополучие страны, вносили весомый вклад в ее культуру и готовились принять участие во власти. Постепенно сдавая свои позиции, дворянство все более уходило в мир своих чувств, относясь к жизни как к охоте или к игре, желанной наградой и добычей в которой были победы в любовных баталиях.

Как следствие перемены ценностей людей из правящего сословия сложилась особая куртуазная культура, давшая XVIII столетию название «галантный век». Под галантностью в данное время понимался такой способ ухаживания мужчины за женщиной, при котором акцент переносится с телесного обладания на психологическое соблазнение, что должно быть совершено по всем законам «науки страсти нежной». В отличие от любви Ренессанса с его культом эроса и буйством плоти, любовь в «галантный век» имела более чувствительный и «технический» характер. Она в большей мере принимала во внимание интересы, мечтания, привычки и капризы женщин, которые предпочитают не сдаваться без сопротивления и выбирают окольный путь к цели, желанной для обоих. Женщины в это время занимают высокое место при дворе и в салонах, вмешиваются в государственные дела и главенствуют в светских развлечениях. «Галантный век» провозгласил культ женщины, отведя мужчине роль слуги, который добивался ее любви, хотя в реальности «метресса» была, скорее, служанкой своего «вассала».

Большую роль в чувственном просвещении мужчин сыграли известные женщины того времени. Например, маркиза де Ламбер, бывшая хозяйкой салона в Париже в первой трети XVIII в., внушала такие мысли об отношениях между полами. «Любовь, – отмечала она, – есть сладчайшая и самая лестная для нас иллюзия, первейшее из наслаждений. ...Страсти есть струны, на которых подобает играть великим музыкантам. Большинство мужчин любят вульгарно, в мыслях у них – одно физическое желание, каждая любовная связь для них – это скачки, где вся задача – домчаться до финишного столба. Меня это всегда удивляет: почему бы нам не захотеть облагородить самое сладостное из данных нам природой чувств?» [3, с. 259-260]. С этими словами, вероятно, согласились бы многие женщины того времени, и мужчины из галантности не стали бы спорить с ними. Но так же, как признание любви «первейшим из наслаждений» еще не означает уважения к другому полу, возвеличивание женщины в эротической культуре не предполагает ее первенства в общественной и семейной жизни.

Культ галантной дамы в XVIII веке интересно сравнить с культом Прекрасной дамы в период рыцарства. И там, и там женщина находится в центре внимания и поклонения мужчин, но остается в полной зависимости от

своего мужа. И все же мужское отношение к хозяйке светского салона было иным, чем к хозяйке феодального замка. От Прекрасной дамы требовалась недоступность для мужчин (кроме законного мужа и преданного рыцаря), тогда как от галантной дамы ожидают уступок, если кавалер соблазняет ее «по всем правилам». Граф Тилли, слывший образцом галантности, писал в мемуарах: «Во Франции необходимо пустить в ход немало прилежания, ловкости, внешней искренности, игры и искусства, чтобы победить женщину, которую стоит победить. Приходится соблюдать формальности, из которых каждая одинаково важна и одинаково обязательна. Зато почти всегда есть возможность насладиться победой, если только нападающий не болван, а женщина, подвергшаяся нападению, не олицетворение добродетели» [1, с. 152]. Женщина в глазах мужчины «галантного века» была инструментом сладострастия, обязанным отдаться умелому любовнику, которому хватило желания и умения пройти все этапы ухаживания за ней. По правилам хорошего тона кавалеру не воспрещалось похитить даму и даже совершить насилие над ней, если, принимая его волокитство, она давала повод надеяться, что будет не против этого или сама в душе того желает.

Восприятие любви как сильнейшего наслаждения при отношении к ней как к игре или охоте стимулировало развитие легкости нравов, которое было трудно отличить от банального разврата. Пример подавали сами монархи, многие из которых рассматривали всех придворных дам как свое достояние и заводили себе настоящие гаремы. Знатные дамы и кавалеры также спешили срывать цветы удовольствий в поисках новых впечатлений. Как отмечал Э. Фукс, «любовная связь становится в эту эпоху договором, не предполагающим постоянных обязательств: его можно разорвать в любой момент. ...Снисходя до ухаживающего за ней кавалера, женщина отдавала себя не всецело, а только на несколько мгновений наслаждения или же продавала себя за положение в свете» [1, с. 199]. Главное было не нарушать правила приличия, не давать повода своему, также искусенному в любовной охоте мужу для обвинений в неверности, за подозрение в которой он имел право отправить супругу пожизненно в монастырь. Впрочем, «галантный век» создал и особый тип мужей, считавших ревность невоспитанностью и проявлявших удивительную тактичность к жене и ее любовнику. По-своему честно поступила одна знатная дама, взявшая с мужа слово не требовать с нее верности, когда она находится при королевском дворе. При таком образе жизни рождение детей от любовных связей считалось несчастьем, от них легко отказывались, и лишь счастливый случай помог сыну маркизы де Тансен, подкинувшей его на ступени церкви, вырасти в ученого Д'Аламбера.

Любовь в «буржуазный век»

«Буржуазный век», под которым понимают период между Великой Французской революцией и Первой мировой войной, только развил в отношениях между полами те тенденции, что присущи капитализму. При этом, конечно, следует иметь в виду национальную и классовую специфику понимания любви и брака, в которую каждое поколение вносило свои нюансы. «Буржуазный век» знал время героики (демократические революции и наполеоновские войны) и мещанства (период Реставрации, Германия при Бисмарке), разнузданности (Франция при Директории, Англия 1790-х – 1820-х гг.) и ханжества (викторианская Англия), «классики» (Вторая империя) и «декаданса» (рубеж XIX и XX вв.). Половые нравы менялись вместе с обликом правящего класса, который совершил эволюцию от противника феодализма, не скрывающего своих простонародных замашек, до хозяина новой жизни, усвоившего аристократические привычки. Неизменным оставалось только отношение к любви и браку как договору, заключаемому между мужчиной и женщиной и регулирующему отношения между ними.

Характерным примером этого подхода были воззрения на любовь и брак Б. Франклина. Свой взгляд на половую любовь, которому должен следовать бизнесмен, он передал, так представляя добродетель целомудрия: «Совокупляйся не часто, только ради здоровья или произведения потомства, никогда не делай этого до отупения, истощения или в ущерб своей или чужой репутации» [4, с. 146]. При вступлении в брак Франклин считал разумным придерживаться правила: «Пошире открывай глаза до женитьбы, а после – прижмуривай», и прозорливо замечал в своем календаре: «Там, где брак без любви, будет любовь без брака» [5, с. 249]. Он был убежден в превосходстве мужского пола, полагая, что обязанности женщины в браке исчерпываются верностью мужу, домашним хозяйством, уходом за детьми и посещением церкви. Брак является успешным, если муж обеспечивает семью, жена заботится о доме и детях, и они не вмешиваются в дела друг друга.

Воздействие «буржуазного века» на историю любви, брака и семьи было противоречивым. С одной стороны, при капитализме, превращающем всё в товары и обращающем товары в деньги, любовь наделяется потребительской стоимостью, а брак становится следствием коммерческого расчета. Конечно, браки по расчету, особенно среди имущих классов, часто заключались и в древности и средневековье, однако, по оценке Э. Фукса, только «в век господства буржуазии брак стал ярко выраженным браком по расчету», и «товарный характер любви никогда раньше не проявлялся так наглядно, как в современном буржуазном обществе» [1, с. 407,408]. По сути,

брак превратился в натурально-денежный обмен, при котором мужчина получает деньги за свою деловую солидность и виды на будущее, а женщина обменивает свою внешнюю красоту и приданое на положение в обществе. Любовь между супругами здесь желательна, но вовсе не обязательна. «Как мне хорошо известно, – писал английский поэт С. Кольридж, – для многих представителей обоего пола Эдем супружества превращается ...в сделку, приносящую выгоду и удобства, к которой они испытывают чувства, средние между безразличием и приязнью. В супруге они ищут не столько родственную душу, сколько помощника по домашнему ярму» [6, с. 284].

С другой стороны, буржуазный брак, в силу своего договорного характера, не может не учитывать личные чувства вступающих в него сторон. «Согласно буржуазному пониманию, – замечал Ф. Энгельс, – брак был договором, юридической сделкой, и притом самой важной из всех, так как она на всю жизнь определяла судьбу тела и души двух человек. ...Между тем, если при заключении других договоров требовалось действительно свободное решение, то почему этого не требовалось в данном случае? Разве двое молодых людей, которым предстояло соединиться, не имели права свободно располагать собой, своим телом и его органами? Разве благодаря рыцарству не вошла в моду полая любовь и разве, в противоположность рыцарской любви, связанной с прелюбодеянием, супружеская любовь не была ее правильной буржуазной формой?» [6, с. 82]. Конечно, супружеская любовь является «правильной формой» буржуазного брака лишь в идеале, который был далек от реальности. Но важно понять, почему именно в расчетливом «буржуазном веке» любовь была провозглашена моральной основой брака, а брак по любви – естественным правом человека.

Ответ на этот вопрос нужно искать, прежде всего, в психологии буржуазии. Для типичного буржуа – купца, фабриканта, финансиста, менеджера – жена представляет капитал, способный принести ему прибыль. Причем, в ее лице он имеет не только финансовый капитал (приданое, собственность, наследство), но и капитал моральный (любовь, одобрение, верность). К тому же, если жена красива, умна, обаятельна, умеет принять и очаровать гостей, она может стать ценной помощницей в делах и главным украшением дома, предметом уважения партнеров и зависти конкурентов. Если жена буржуа не обладает всеми этими качествами, он, конечно, может завести любовницу, но тут вступает в силу принцип экономии времени и денег. Представитель буржуазного класса – это не кавалер «галантного века», проводящий дни в ухаживаниях за дамами; он – человек дела, отводящий светской жизни и флирту малую часть своего времени. Как пишет М. Оссовская, «теоретики буржуазного этоса недаром утверждали, что "деловой

человек" не чувствует красоты и равнодушен к эросу» [5, с. 452]. Для мужчины-буржуа выгоднее всего найти все ценимые им в женщине качества в своей супруге. Женщине-буржуа также предпочтительнее, чтобы все, что ей нужно от мужчины – любовь, положение, роскошь – обеспечивал ее супруг. Лишь в том браке, где имеется такая гармония интересов и чувств, по буржуазным понятиям, и возможна «супружеская любовь» и «супружеское счастье». А то, что это бывает чаще в романах, чем в жизни, так ведь идеал потому и идеал, что редко воплощается на грешной земле!

Жизненное противоречие между идеалом брака и реальным браком «буржуазного века» порождает лицемерие, характерное для этого времени. Людям, особенно мужчинам, молчаливо дозволяются многие эротические практики, для чего капиталистическое производство создало гигантский рынок интимных услуг, при условии соблюдения ими внешних правил приличия, под страхом изгнания из «хорошего общества». Сам капитализм, конечно, не породил ни одного из тех пороков, что процветали в столицах и больших городах, не обходя стороной провинцию и сельскую жизнь. Он лишь «придал всему характер массового явления – как беззастенчивому разврату, облеченному богатством, так и нравственному вырождению, к которому приводит нищета» [1, с. 334]. В силу этого буржуазный брак имел своим необходимым дополнением проституцию, в которой мужчина-буржуа видел необременительный для его кошелька способ развлечься, а женщина-буржуа – заманчивую возможность пополнить свой гардероб или секретер.

Новые импульсы в любовно-брачных отношениях исходили в это время из классов и слоев, настроенных антибуржуазно. Так, брак по расчету во многом был чужд промышленным рабочим, хотя бедность стимулировала мужчин и женщин этого класса к объединению их хозяйств, чтобы вместе бороться с нуждой. Именно в пролетариате, благодаря широкому участию женщин в производстве, впервые за времена моногамии возникли условия для экономического освобождения жены от власти мужа. В том же веке либеральная интеллигенция провозгласила высшей формой союза между мужчиной и женщиной «свободную любовь», не связанную с официальным браком. Манифестация этой идеи предполагала возросшую независимость личности от социальной среды, которая понимала «свободную любовь» как выставляемую на показ проституцию. Распространению новых воззрений способствовало также возникновение движения женщин за свои права, которому суждено было добиться успеха только в XX веке.

Литература:

1. Фукс Э. История нравов. – Смоленск: Русич, 2010. – 544 с.
2. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения // Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. – М.: Мысль, 1998. – 750 с.
3. Эптон Н. Любовь и французы. – Челябинск: Урал Л.Т.Д., 2001. – 472 с.
4. Франклин Б. Жизнь Бенджамина Франклина. Автобиография // Американские просветители. Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. – М.: Соц.-эконом. литература, 1968. – С. 136-154.
5. Оссовская М. Буржуазная мораль // Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. – С. 177-510.
6. Эптон Н. Любовь и англичане. – Челябинск: Урал Л.Т.Д., 2001. – 528 с.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. – 2-е изд. – Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 23-178.